



Евгения КИСЕЛЕВА

*шум волн,  
отраженный  
в морской  
раковине*

Памяти  
Дмитрия Хворостовского

*Есть певческие голоса, допускающие долгие рассуждения об их достоинствах и недостатках, технических возможностях, особенностях школы. А есть голоса абсолютные, ценные самим фактом своего звучания, своей бесспорной природной подлинностью. Их во много раз меньше, их появление – всегда загадка. Тем большая честь для нас, что один из носителей подобного голоса-феномена, Дмитрий Хворостовский, – наш соотечественник и современник.*



*Одни из концертов фестиваля «Площадь искусств», в программе которого значился Реквием Джузеппе Верди, художественный руководитель Петербургской филармонии Юрий Темирканов посвятил памяти Дмитрия Хворостовского. Вместе с Заслуженным коллективом России в исполнении Реквиема под управлением Темирканова приняли участие хор Большого театра и солисты Динара Алиева, Олеся Петрова, Франческо Мели, Дмитрий Белосельский.*

**К**ажется, не было написано в мировой баритоновой литературе двух тактов, представляющих для него серьезную сложность. Голос с «немецкой» вертикалью (недаром любимейший его композитор – Малер), ровный по всему диапазону, с металлическим отблеском, прямой и не требующий уловок в виде динамических переходов на piano – такие наша старая критика, вплоть до времен Верди и Чайковского, называла «органом». Этот «орган» продиктовал сценическое поведение и амплуа певца. Когда в голосе столько строгости, стати и благородства, делается бессмысленной любая постановка с превращением героя в «парня из соседнего двора», хотя, бесспорно, певцу довелось поучаствовать в огромном количестве разнородных спектаклей. Но его тембр выше и цельнее современных психологических портретов, потому ему всегда удавались классические роли заносчивых аристократов с повышенным чувством собственного достоинства. Такие персонажи с гордой осанкой в опере всегда на первом месте: Ренато, Елецкий, Граф ди Луна, Маркиз ди Поза, Онегин – тот самый высокомерный упрямец, который дает отповедь провинциальной барышне... Есть в его послужном списке и Риголетто (в том числе недавно выпущенная запись оперы под руководством Константина Орбеляна) – насколько мелким будет почти любой Герцог на фоне такого своего прислужника!.. И это – вопреки абсолютной человеческой открытости и солнечному обаянию, присущим артисту в жизни.

Конечно, любой большой исполнитель проверяется камерным репертуаром, и здесь раскрывается подлинная красота голоса Хворостовского. Его умная, изящная, отточенная фразировка русских романсов будет учебным пособием на долгие десятилетия. Но насколько иначе звучит в них его баритон! Он становится мягким, теплым, вдумчивым – качества, которых иногда не доставало голосам его оперных героев, подчас звучащих резковато, напряженно. В его романсах слышен шум волн, отраженный в морской раковине, шелест листьев, отдаленные горные раскаты – именно та уникальная обертоновая окраска, которая делает его звучание незабываемым и узнаваемым. На концертной эстраде, отрешившись от заданности оперных характеров, певец стал собою – харизматичным, но и предельно тонким художником с улыбкой, покорившей весь мир.

Таким он и останется...